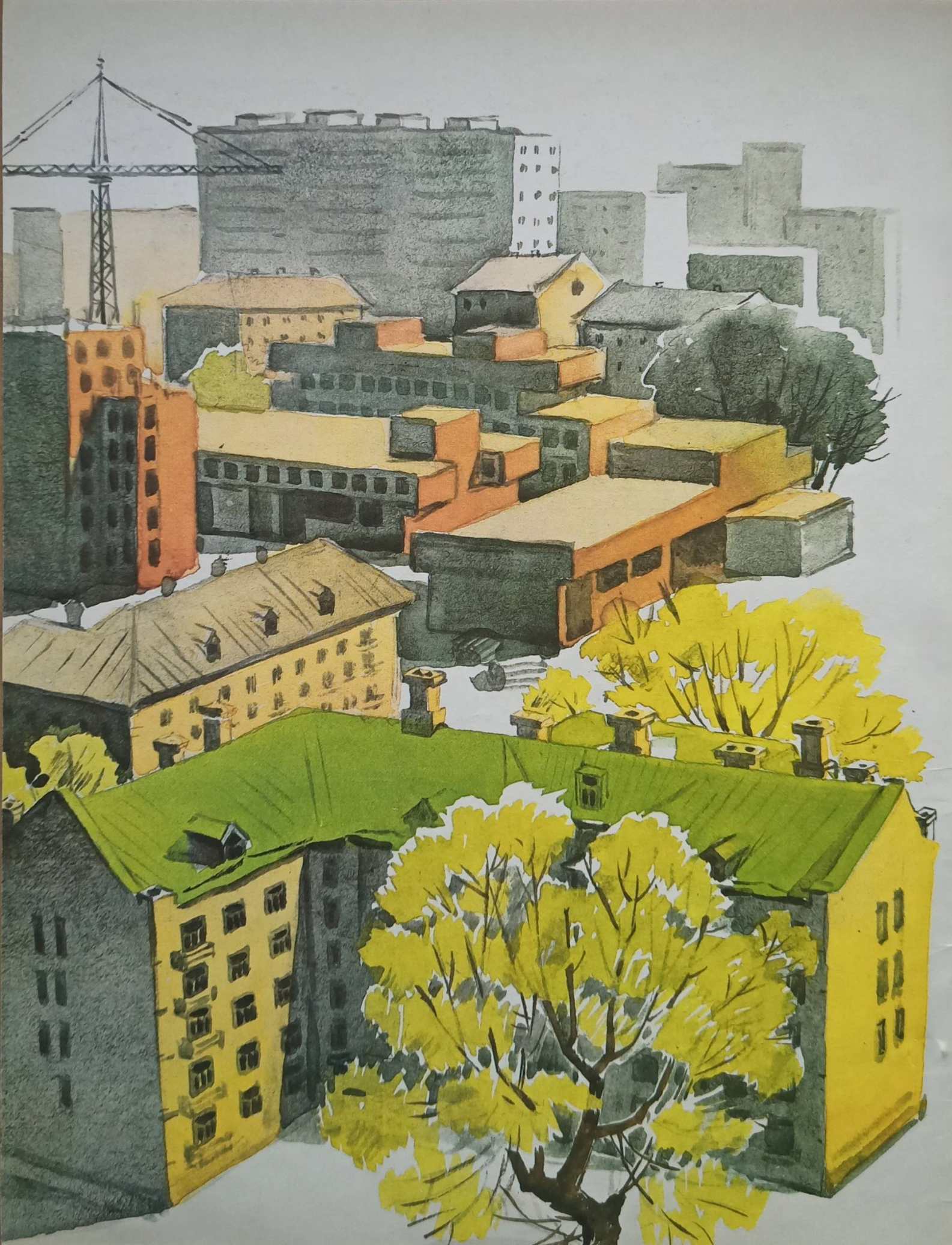

НАДЕЖДА ГРИГОРЬЕВА

ВОЛШЕБНЫЕ ТРАВЫ

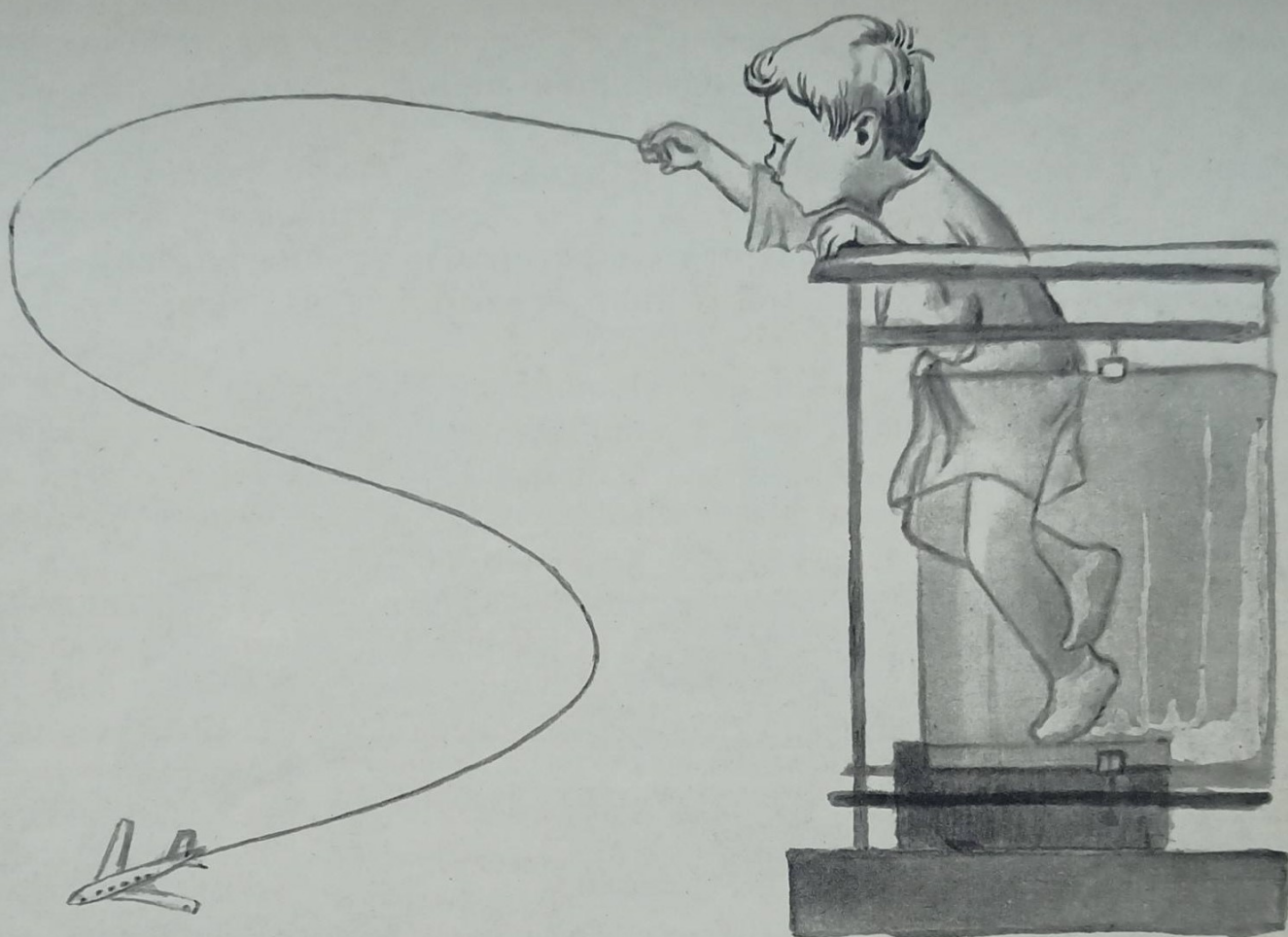
НАДЕЖДА ГРИГОРЬЕВА
ВОЛШЕБНЫЕ
ТРАВЫ

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ Н. АФАНАСЬЕВОЙ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сане три года. Он просыпается в кроватке, которая ему уже мала. Он потягивается, просовывает сквозь прутья спинки маленькие розовые пятки.

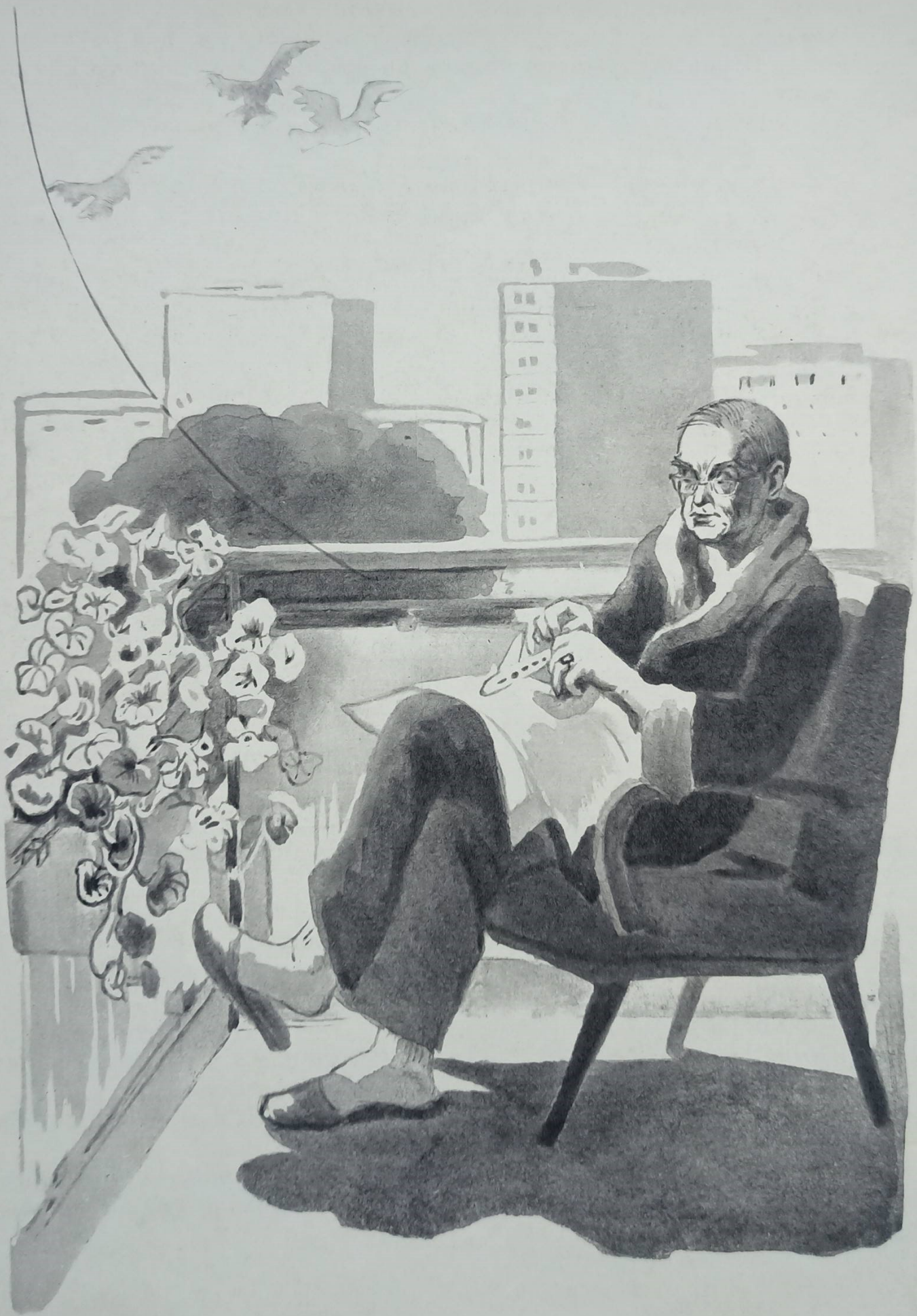
Все ещё спят. И мама, и папа, и соседи с их этажа, и соседи с других этажей, и соседи из других домов, окруживших их двор.

Тихо, тихо. Не слышно ни звука. Даже дворник сегодня не скребёт метлой.

Босиком, в длинной ночной рубашке, Саня выскакивает на балкон. Осторожно, осторожно, чтобы никого не разбудить, чтобы никто не услышал.

А каменный пол на балконе уже успел нагреться от первого солнца. Он совсем тёплый: теплее, чем в комнате.

Туго натянуто чисто вымытое весеннее небо. Кричит и поёт много разных птиц. Наверно, это просто городские воробьи, но они здорово притворяются.

В руках у Сани самая новая и сегодня самая любимая игрушка. Это самолёт. Он весь блестит, в нём есть окошечки, под крыльями огоньки... Правда, огоньки нарисованные, но они так похожи на настоящие.

К самолёту привязана длинная верёвочка, и Саня всё пытается забросить его вверх, в небо.

Самолётик сперва стремительно взмывает, а потом падает.

Ещё... ещё... ещё... Кинуть так, чтобы самолёт уже никогда не потерял высоту.

Саня не видит, что на балконе под ним сидит в кресле очень старый старик с задумчивым лицом. Он не видит старика, а старик не видит Сани, но видит самолётик, который, спрыгивая с верхнего балкона, кружит вокруг его головы, падает, взлетает, исчезает с глаз.

Раз старик задержал игрушку большими тонкими руками. Но Саня настойчиво дёргает верёвочку. Старик, усмехнувшись, отпускает, самолёт взвивается в небо.

Всё вокруг ещё спит, спит, спит... Потому что воскресенье, и все отдыхают, и никого нельзя будить. Не спят только старик, птицы, Саня и самолётик.

И вдруг, сверкнув на солнце белыми металлическими крыльями, игрушка оборвалась и упала к ногам старика. Санина верёвочка занервничала. Он то дёргал её вверх, и она исчезала из глаз, то отпускал, и она беспомощно провисала на перилах.

Он мотал и мотал верёвочкой и уже готов был заплакать, но всё не мог поверить, что самолётик не вернётся к нему и так и не взлетит в небо.

Старик осторожно поднял самолётик, задержал большими руками верёвочку, привязал на место игрушку. Секунда — и самолётик опять взмыл ввышину.

— Вернулся, — шёпотом сказал Саня.

И целый день потом было воскресенье, и небо было чисто вымытое и натянутое, как парашют, и птицы пели, и тополиный снег летел с земли на небо.

И даже когда мама очень больно расшибла коленку, Саня сказал ей:

— Ничего. Не плачь. Заживёт.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ

— А ну, отправляйтесь в парикмахерскую, — сказала мама. — У меня сегодня большая уборка. А потом пойдём в кино.

Саня не любит парикмахеров, и мама стрижёт его сама. Но ходить с папой в парикмахерскую Саня любит.

Там очень интересно. Парикмахерская вся прозрачная, как леденец. Внутри, если знаешь, что тебя не будут стричь, весело.

Саня берёт папу за руку и говорит:

— Пошли.

— Идите, идите, — подкалывая и подвязывая платочком косы, говорит мама. — Идите и ходите долго, долго... Я пока уберусь и испеку пирог с грибами.

Саня ведёт папу стричься и бриться. Шаги у папы большие, а у Сани маленькие, но если делать два Саниных, как раз получится один папин, и можно не отставать.

Вот и пришли.

Пока папу мылят мылом и чем-то трут и брызгают, можно пробраться в соседний зал, где сидят женщины в шлемах, как у космонавтов, и тихонько пожужжать, как будто это мотор космического корабля и все они летят на Луну.

Саня бродит среди закутанных в белое фигур, заглядывает в бесчисленные зеркала, в которых отражаются странные, белые лица.

Вдруг все голоса заглушил пронзительный детский крик. Несколько женщин в белых халатах окружают что-то закутанное в простыню.

Уговаривают:

— Не будет больно, не будет...

— Дайте мне! Дайте я попробую!

— Вот дядька придёт, в мешок посадит.

— Нельзя пугать. Пугать не положено.

В кресле сидит маленькая золотоволосая девочка и лягается, и кричит, и крупные, как горох, слёзы текут по её лицу. А парикмахерша вертит над её головой огромными ножницами.

— Она боится. Она такой робкий ребёнок, — сконфуженно оправдывается нарядная девочкана мама.

Робкий ребёнок, изловчившись, тыкает мастерицу ногой в живот.

— Ну, знаете! Ваш ребёнок быка опрокинет, — отскакивает мастерица. — Я не буду стричь.

Сане жалко девочку. Он сам знает, как неприятно порой кусаются ножницы. Но что же делать? Всё равно надо помочь человеку.

Он и не заметил, как решительно подошёл к креслу.

— Постригите меня, — сказал он мастерице. — Пусть посмотрит. Она ещё маленькая.

— Да чего там стричь? — смеётся мастерица. — У тебя и волос-то — раз, два и обчёлся.

— Обочтёмся, — вздыхает Саня. — Раз боится, пусть поглядит. Он тяжело лезет в кресло.

— Да ты с кем, герой?

— С папой. — Он гордо кивнул в сторону мужского зала.

Оттуда в зеркало виден был папа. Видно было, что и папа внимательно глядит на Саню.

— Пусть посмотрит, — умоляюще сказала девочкана мама.

И вот уже ножницы кружатся над Саниной головой, а девочка стоит рядом.

— Видишь, какой мальчик, — ничего не боится, — поёт парикмахерша. — Теперь будешь стричься?

— Только начни, и сразу не будет страшно, — советует Саня.

— Вот какой у нас мальчик герой, — продолжает парикмахерша.

— «Герой, герой»... — передразнила девочка и гордо повернулась к креслу. — А я и не боюсь. Стригите.

— Ты молодец, — говорит папа, когда они идут домой. — Молодец, что не струсил.

— А я струсил, — вздыхает Саня. — Но что же было делать?

— Хочешь мороженого? — довольно смеётся папа.

Саня, взяв из рук отца монетку, идёт к лотку с мороженым. Он долго бы решал, что лучше: стаканчик с кремом сверху, эскимо или фруктовое, но тут из-за угла вылетел футбольный мяч.

Он прозвенел по окну, которое уцелело каким-то чудом, и упал под ноги Саниному папе.

И Санин папа, который ещё совсем недавно не был ничьим папой, а был просто Витей, вдруг потерял всякую солидность и погнал мяч по улице, едва успев крикнуть:

— Санька, за мной!

Так они и бежали: впереди Санин папа, за ним мальчишки, крича:

— Давай, Витя, давай!

И уже совсем позади сам Саня, отчаянно гордясь своим папой и крича:

— Окно побьёшь! Осторожно!

Так они и вбежали следом за мячом во двор. И с балкона перегнулась мама, похожая на девочку с косичками, и крикнула:

— Давай, Витька, давай!

А Саня крикнул ей:

— Мама, я стригся!

А потом они ели пирог с грибами.

ВОЛШЕБНЫЕ ТРАВЫ

Маленький дачный домик. Терраска, дворик с колодцем. Саня с мамой живут на даче. А папа приезжает только на субботу и воскресенье. У него потом будет отпуск, и они с Саней каждый день будут ходить на речку.

Раннее утро. На террасу выходит босоногая женщина с ведром, подходит к колодцу. С тихим звоном разматывается цепь, чуть слышно плеснулась бадья.

Женщина вернулась на крыльцо. С размаху хлестнула целым ведром по щербатым ступенькам. Отмыть от пыли, от вчерашнего, ещё не выстуженного ночью зноя.

Набрала второе ведро. Унесла в дом.

Вместо неё на влажное крылечко вышел Саня. Постоял, подышал и тоже пошёл к колодцу. Заглянул вниз. Там — пахнущий лесом зелёный мох, лягушка притаилась под мокрым, блестящим бревном сруба.

А далеко-далеко в глубине — его курносое, дрожащее отражение. Вдруг рядом с Саниным лицом в зеркале воды появилось другое, новое. Он поднял голову. Рядом с ним стояла девочка. Большой бант, как бабочка, хлопал крыльями.

— Ты чей? — спросила она, глядя на него смешливо и заинтересованно.

— Сам свой, — ответил Саня и одёрнул рубашку.

— Да? — с сомнением протянула девочка. — А тогда пошли в траве плавать.

— Плавают в воде.

— И в траве.

Не приглашая его больше, она вприпрыжку побежала со двора. Он, стараясь не сбиться с солидного шага, — за ней.

На улице было пусто, но уже пыльно. Не так давно прошло стадо. Она шла впереди, он за ней, как привязанный за верёвочку. Вдруг девочка остановилась, подняла над головой руку и начала кружиться, глядя на что-то зажатое в кулаке. Из руки её бил во все стороны яркий, многоцветный луч.

Саня подошёл к девочке и остановился как вкопанный, стараясь понять. Луч скользил по его лицу, ударял в глаза, поджигал пыль на дороге, окна соседних домишек.

— Дай, — сказал мальчик и шагнул к девочке.

— А... — ответила она и скакнула в сторону.

— Дай! — Он рванул её за рукав, но она вырвалась и побежала.

Пробежит немного, остановится и опять схватит луч рукой. Саня начал злиться. Он запыхтел и побежал ещё быстрее.

Наконец, когда девочка свернула в проулок и выскочила из него на лужок, нагнал, схватил за руку:

— Отдай!

— Не отдам!

Это была уже настоящая драка. Они катались по траве, и он наконец поймал её кулачок, с усилием разжал. На ладошке лежала обыкновенная стеклянная пробка от духов.

Мальчик стал так, как становилась девочка, поднял руку с пробкой. Стекляшка не вспыхивала. Девочка сидела обхватив коленки, сердито посматривала в его сторону.

— Надо слово знать...

— Скажи...

— Отдай — скажу...

Саня отдал стекляшку девочке, и та, стремглав бросившись прочь, крикнула на бегу:

— Сам узнай!

Почему-то Саня покорно поплёлся за ней, хотя ему очень хотелось остаться. Они шли теперь молча рядом, и девочка сорвала какой-то синий цветок и начала обрывать лепестки. Он сорвал себе тоже, вот они уже обрывали цветок за цветком. И лепестки тихо отлетали по ветру.

Но вдруг девочка закричала:

— Пришли! Плыви!

Они стояли перед островком необычайно высокой травы. Травы — по пояс взрослому, выше головы для них. Если взглянуть

откуда-нибудь сверху, лужок был небольшой. Но они не видели его краёв, и он казался им бесконечным.

Девочка впрыгнула в траву, как прыгают в реку, и начала барахтаться, отфыркиваться. Она плыла, она двигалась, уплывала. Мальчик нырнул за ней. Трава прогибалась, поднимала тела пловцов.

— Ты чья? — спросил мальчик, когда они вернулись в свой двор.

— Сама своя, — ответила девочка и взбежала на крыльцо соседнего дома.

— Где ты был? — спросила мама. — Где ты так долго был?

— Не знаю, — ответил Саня. — Я плавал.

Он снова вышел во двор к вечеру; солнце уже садилось. Он долго оглядывался, словно искал что-то. Заглянул в колодец, но при вечернем освещении там ничего не было видно. Тогда он нерешительно поднялся по ступенькам дома, в котором исчезла утром девочка. Постучал. Ему открыла женщина в тёмном платке.

— Где девочка?

— Девочка? В город уехала. Она в гости приезжала, — ответила женщина.

...Утром хозяйка дома опять облила водой крыльцо, и опять следом за ней вышел Саня. И опять заглянул в колодец и посмотрел на лягушку. Потом медленно пошёл со двора. Он шёл останавливаясь, прислушиваясь, приглядываясь к приметам дороги, которая была совсем, совсем короткой, но казалась ему почти кругосветным путешествием. Он свернул в проулок, вышел на знакомый лужок, пошёл по тропинке, ведущей к той траве.

Травы не было. Короткая колкая стерня лежала под ногами. Он искал долго и испуганно. Он не понимал, куда делось то, что ещё вчера было.

Шёл человек с косой ему навстречу.

— Дядя, — спросил Саня, — где трава?

— Ты молоко любишь?

— Я люблю плавать в траве.

— А корова любит кушать траву. Иначе тебе не даст молока.

Человек ушёл, а Саня растерянно сел на колкую стерню. Он сидел и думал и ничего не понимал. Он был городской мальчик.

Вдруг яркий луч сверкнул ему в лицо. Он наклонился. Давешняя бутылочная пробка, прячась в зелёной щетине, сверкала на все лады.

Саня поднял стекляшку над головой, поймал в неё луч и закружился на одном месте, зачарованно подняв голову.

КАК СТАТЬ МУЖЧИНОЙ

Яркий летний день. Саня, крепко ухватившись за руку второклассника, сына дачной хозяйки, идёт по улицам посёлка. От зноя, наверно, прохожих почти нет.

— Пошли на речку, — говорит второклассник.

Саня взглядывает на него с восторгом, но быстро потухает и отрицательно качает головой.

— Мама не разрешает.

— А наплюнуть, — говорит второклассник.

— Что ты? Мы же с ней пословились.

Второклассник досадливо останавливается:

— Вот навязался на мою голову! Ну какая ты мне компания? Что ты мне за товарищ? Гусь свинье не товарищ!

— Я не гусь, — обижается Саня.

— Не велит мать ничего, так и сидела бы сама с ребёнком. А то...

— У неё в городе на работе собрание, — говорит Саня. — Я сам могу сидеть. Только в доме...

— Ну ладно... — Второклассник задумался. — Пошли, я тебе что покажу...

— Хорошее?

— А то! Только тихо.

Они сворачивают в переулок и подходят к высокому дощатому забору. Второклассник подталкивает Саню к щёлке:

— Гляди!

За забором огромный сад. Не сад — целый парк. Клумбы, аллеи, поляны цветов.

— Ой... — стонет Саня.

— Вот те и «ой». Пошли.

Они заворачивают за угол и подходят к лазу между разошедшимися досками.

— Лезь, — подталкивает Саню второклассник.

Саня деловито прокарабкается в дыру. Второклассник — за ним. Они бегут по дорожкам, нюхают, рассматривают огромные, влажные, несмотря на жару, цветы. И вот уже в руках у второклассника тяжёлый лохматый букет.

— Ой, ой, как красиво!

— Тихо ты!

— А почему?

— Ой и дурак ты, Санька! Мы же в чужой сад влезли...

Но уже через минуту две большие, натруженные, стариковские руки крутят каждая по мальчишескому уху.

— Дедушка, мы не рвали, мы не будем... — плачет второклассник.

А Саня молча кривит губы и изо всех сил старается не разреваться.

— Дедушка, простите, пожалуйста, — гнусавит второклассник.

— Нет уж, будет! Натерпелся. В колонию! Сейчас милиционера, акт составим — и в колонию.

Саня испуганно пыхтит. Он не знает, что за колония, но понимает — это что-то очень страшное.

— Давно бы лаз лучше забили... — плачет второклассник.

— Забьёшь с вами. Каждый день заделываю. Нет, будет. В колонию, в колонию! А пока в чулан запру.

Но он не запирает их в чулан, а бросает друг за другом на маленький деревянный диванчик на терраске.

— Хулиганы, расхитители! А того не знаете, что стоит каждый цветок вырастить. — Дед садится на ступеньку и начинает ласково перебирать сорванные цветы, подрезать стебли ножницами, подправлять лепестки. Как будто доктор, который старается вылечить рану больного.

Мальчишки молчат. Он тоже.

Вдруг второклассник срывается бежать, но дед ловко ухватывает его за рукав и сажает обратно.

— Тихо, милоч, тихо... Любишь кататься? Ну вот, люби и саночки возить.

В саду тихо-тихо; только шмели жужжат, да иногда листья начинают шептаться, если пробежит ветер.

— Вот что, — внезапно обращается дед к Сани. — Ты за родителями сходи. А его не пущу. Родители придут — разберёмся.

Саня растерянно встаёт. Ему не верится, что дед отпускает. Он делает один пробный шаг, второй, тихонько спускается с терраски.

— Моим не говори! — кричит вслед второклассник. — Смотри, скажешь — убью!

Старик выпроваживает Саню через калитку. Из будки рычит на него огромный пёс. «Так голову и откусит», — думает Саня

...И вот он уже сидит в своей дачной комнатке, в уголке диванчика. Мама нет. И папы тоже всё нет. Он тяжело вздыхает, старается не шевелиться. Так как-то спокойнее.

В незапертую дверь заглядывает хозяйка — мать второклассника:

— Мой-то где?

— Там, — неопределённо показывает Саня.

— Где это «там»? Уходили вместе.

— В саду. А мама не приехала?

— Отчёт у неё, — говорит хозяйка. — Поздно приедет. Спать бы ложился. Или свет зажги. Где же этот? Пять часов уже нету. Пойти поискать на речку... — слышится уже со двора.

Саня пробует взяться за книжку с картинками, за кубики, за волчок, но каждый раз откладывает всё в сторону и со вздохом, поджав ноги, усаживается в уголок дивана.

Наконец, решительно махнув рукой, он встаёт. Натягивает пальтишко, вязаную шапочку с козырьком — и выходит на улицу.

Уже почти темно. Маленькая фигурка крадётся вдоль домов. Останавливается, стоит, поворачивает обратно и снова движется к страшному саду.

Вот и калитка, через которую он вышел несколько часов назад. Постоял ещё минуту, решительно дёрнул на себя. Калитка подалась, но из будки, звеня длинной цепью и отчаянно рыча, выскочил пёс.

Саня вылетел на улицу. Тихонько сказал:

— Ой, боюсь...

Он шагнул было ещё раз к калитке, но снова остановился. Пошёл вдоль забора.

Маленькая одинокая фигурка крадётся по тёмной улице. Пролезает в дыру. Испуганно пробирается среди садовых дорожек, по которым перебегают непонятные тени.

Сане кажется, что кусты хватают

его за пальтишко, а цветы шепчут ему в спину что-то очень нехорошее.

— Ой, боюсь...— беззвучно, одними губами, говорит Саня.

Потом, поняв, что отступать уже некуда, твёрдо поднимается по ступенькам опустевшей терраски.

Дёргает с отчаянием дверь. Заперто. Он стучит сперва тихонько, потом громче, наконец, кулаком, во всю силу.

Выскакивает заспанный дед. Саня серьёзно и отчаянно говорит:

— Мама не приехала. У неё отчёт. Пойдём пока в колонию.

— Господи! Ты-то зачем явился?! Что за ребёнок за такой? Уходи, чтоб я тебя больше не видел.

— А он?

— Да пустил я его давно. Сразу же и пустил. Зачем ты пришёл?

— Мы же пословились.

— Видал?! Видал, какие у тебя товарищи? — с горечью кричит дед. — Понял? Ушёл он, о тебе и не вспомнил. Куда ж ты в ночь-то? Может, проводить? Темень...

— Не пойдём в колонию? — спрашивает Саня.

— Какая колония! Вот дурачок... Домой-то дойдёшь? Провожу. Темень...

— А наплюнуть, — говорит Саня и, махнув рукой, решительно направляется прямо мимо собаки к калитке.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСКРЕСЕНЬЕ	3
ПАРИКМАХЕРСКАЯ	6
ВОЛШЕБНЫЕ ТРАВЫ	10
КАК СТАТЬ МУЖЧИНОЙ	16

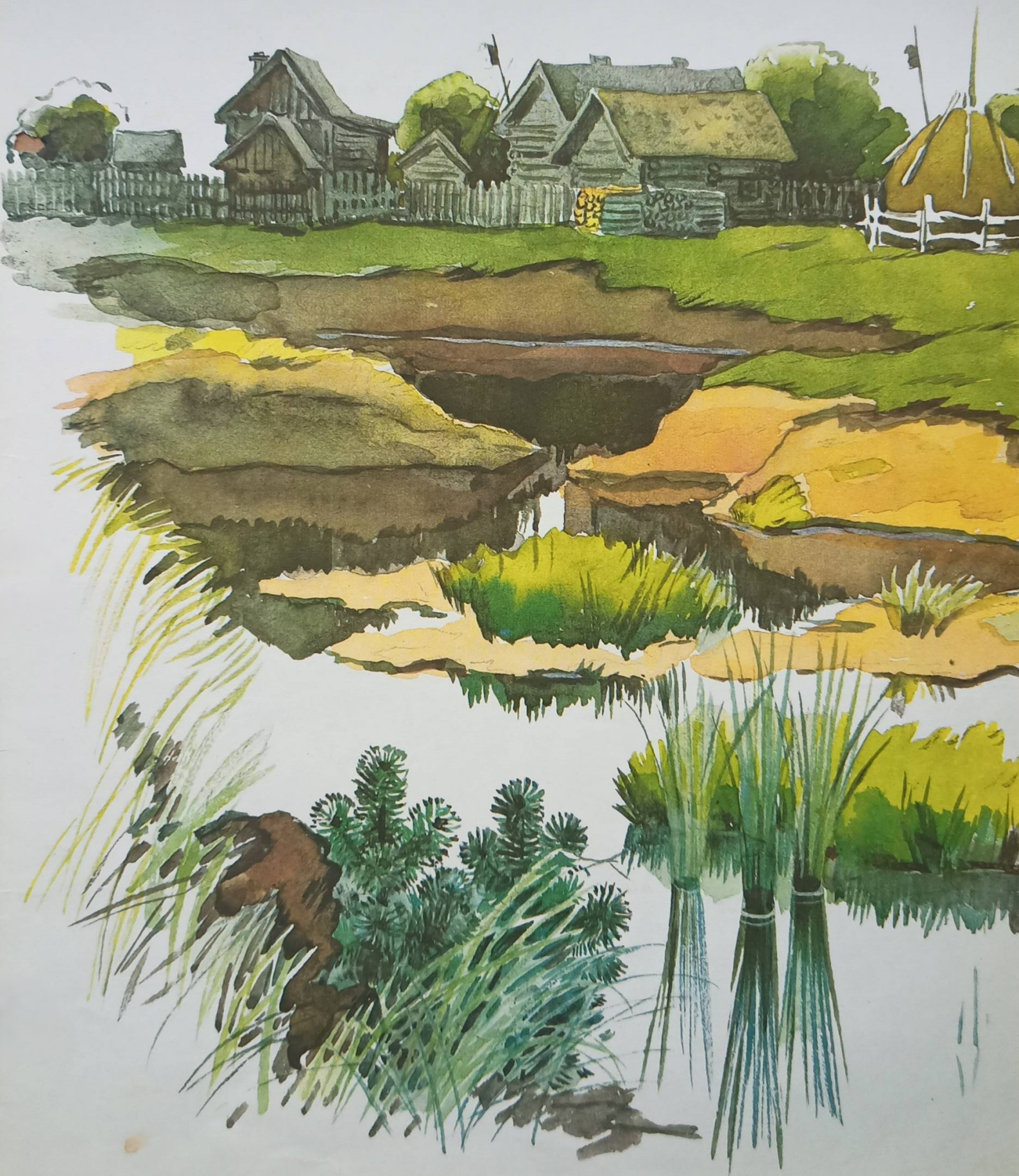
ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Надежда Адольфовна Григорьева

ВОЛШЕБНЫЕ ТРАВЫ

ИБ № 1803

Ответственный редактор Л. Я. ЛИБЕТ. Художественный редактор В. А. ГОРИЧЕВА. Технический редактор Т. Д. ЮРХАНОВА. Корректор Н. А. САФРОНОВА. Сдано в набор 18/III 1977 г. Подписано к печати 4/IV 1977 г. Формат 60×90¹/₂. Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,58. Тираж 300 000 экз. Заказ № 45. Цена 16 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суздальский вал, 49.

Цена 16 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

